

УДК 930.1

А. В. Демидович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Освещается влияние западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхетского сословия Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) в оценке российской дореволюционной историографии. Отношение российских историков к рассматриваемой проблематике отличалось значительным расхождением как положительных, так и отрицательных оценок. Признавая факт позитивного влияния западноевропейской культуры на развитие ВКЛ, российские историки рассматривали культуру шляхты княжества как неотъемлемую часть русской православной культуры и к проблеме её ориентации на западноевропейский путь развития относились весьма противоречиво. Важным шагом российской позитивистской историографии в исследовании эволюции шляхетского общества явилось выдвижение на первый план социально-экономического фактора.

Введение. Решение актуальных проблем, стоящих сегодня перед обществом Республики Беларусь (формирование суверенитета, развитие социально-ориентированной рыночной экономики, эффективной государственной идеологии, сохранение культурной идентичности белорусского народа в условиях мировой глобализации), невозможно без глубокого исторического осмысления особенностей культурного отечественного наследия, специфики развития общественно-исторической мысли Беларуси.

В последнее время исследователи активно разрабатывают широкий спектр тем по проблеме диалога культур. В их число входит и вопрос о значении и влиянии западноевропейской культуры на развитие ВКЛ. Эта тема связана с попыткой нового концептуального осмысления белорусскими исследователями роли западноевропейской культуры в духовной и социально-экономической жизни Беларуси. Среди учёных выясняется степень западноевропейского

воздействия на культуру ВКЛ, обсуждается характер трансформации, которую претерпели западноевропейские элементы на отечественной почве, идёт дискуссия по вопросам терминологии для обозначения культурных взаимодействий (влияние, мимесис, диалог и т. п.).

До настоящего времени в белорусской исторической науке проблема влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты ВКЛ в российской дореволюционной историографии не являлась предметом системного изучения. Основной трудностью, с которой сталкиваются исследователи, является отсутствие обобщающего историографического исследования по истории культуры шляхты ВКЛ. Публикации научных работ по данной проблематике не подвергались комплексному анализу в целях установления степени их репрезентативности. Наличие в предшествующей российской и белорусской историографии противоречивых и зачастую взаимоисключающих оценок истории развития

западноевропейской культуры в ВКЛ в значительной степени затрудняет их всестороннее использование в научных исследованиях, разработке и создании полноценных университетских и школьных программ и учебников по истории культуры ВКЛ. Поэтому выявление специфики научно-исторического интереса российских и белорусских исследователей второй половины XIX — начала XX века к культурному наследию ВКЛ представляется актуальным.

Научная актуальность исследования влияния западноевропейской культуры на духовную жизнь ВКЛ в белорусской исторической науке определила основную цель статьи: на основе системного анализа раскрыть проблемное поле и специфику основных этапов изучения влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты ВКЛ в российской дореволюционной историографии.

Представленное исследование проводится в рамках приоритетной тематики научно-исследовательской работы кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» и кафедры всеобщей истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» и является продолжением исследований по изучению мировой и отечественной историографии. Статья посвящена приоритетной для кафедры проблематике, связанной с разработками в области историографии, источниковедения и методов исторических исследований.

В российской дореволюционной, советской и постсоветской белорусской исторической науке обобщающих работ, посвящённых историографии влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты ВКЛ, не создано. Основная часть исторической литературы касалась лишь отдельных сторон исследуемого предмета.

Статья базируется на историографических источниках дореволюционной российской исторической литературы, в частности,

приоритетное место отводится трудам историков-западнорусистов: М. О. Кояловича, В. Б. Антоновича, Ф. И. Леонтовича, Н. П. Дашкевича. Рассматриваются и обобщаются взгляды и позиции по рассматриваемой тематике известных представителей российской исторической науки: С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского, А. Л. Погодина, Н. И. Кареева. Особое место уделяется исследованиям историков-позитивистов: М. С. Грушевского, М. К. Довнар-Запольского, И. И. Лаппо, М. К. Любавского.

Методология и методы исследования.

Методология данного исследования predeterminedена необходимостью применения системного подхода, учитывающего современные общенаучные достижения, методы собственно историографического исследования, а также методологию изучения художественной культуры в рамках философии культуры и культурологии. Теоретико-методологическую основу статьи составляют принципы объективности и историзма. Важным при написании статьи оказался ценностный подход, позволивший из многочисленных исторических фактов избрать наиболее актуальные по исследуемой теме. Для освещения рассматриваемой проблемы в статье широко использовались как общенаучные методы (обобщение, анализ, синтез, сравнение, индукция и дедукция, классификация и типологизация), так и традиционные специально-исторические методы исторического познания, используемые в современной историографии: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный.

Организация исследования. Данная статья является комплексным исследованием российской историографии второй половины XIX — начала XX века, посвящённой рассматриваемой проблематике. Представленное исследование локализовано хронологически и тематически.

При подготовке статьи автор придерживался точки зрения концептуального видения культуры ВКЛ, предложенного С. А. Подохиным. Учёный подчёркивает, что культура ВКЛ (XV — начало XVII века) обуславливалась позитивными изменениями в экономической, социально-политической и духовно-культурной жизни общества, развитием городов, активизацией шляхетского движения за реформирование общественно-государственных институтов страны, реформационным движением. Существенным моментом культуры ВКЛ является становление национальных культур народов княжества в условиях незавершённого процесса этнической дифференциации.

Следовательно, выбор автором статьи рассматриваемой тематики исследований российской историографии второй половины XIX — начала XX века не случаен. Культура шляхетского сословия ВКЛ представляет собой неотъемлемую часть культуры народов княжества. Шляхта играла значительную роль во всех сферах общественной жизни и непосредственным образом способствовала распространению в духовной жизни народов ВКЛ западноевропейских идей и представлений эпохи Возрождения.

При определении хронологических рамок предмета исследования (вторая половина XIX — начало XX века) учитывались временные рубежи исторического познания, обусловленные ходом и содержанием исторического процесса, внутренними закономерностями развития исторической науки.

Во-первых, следует учесть, что в 60-е годы XIX века в российской исторической науке и философской мысли возникает усиленный интерес к позитивизму, который в российской исторической науке на протяжении второй половины XIX — начала XX века являлся основной методологической базой научных изысканий и внёс огромный вклад в исследование рассматриваемой проблематики.

Во-вторых, в российской общественной мысли возникли ключевые философско-исторические концепции выбора пути цивили-

зационного развития народов Российской империи. По своим философско-историческим построениям исследователи разделились на западников, славянофилов, евразийцев, западнорусистов. В российском дореволюционном обществе активно велась дискуссия о путях развития России, её особой миссии в мировой истории, роли и влиянии византизма и западноевропейской цивилизации в отечественной судьбе. В контексте этой тематики изучался более узкий вопрос о специфических чертах мировоззрения шляхты ВКЛ.

В-третьих, в российской историографии в рассматриваемый период оформились по своему политическому аспекту консервативно-дворянское, либеральное и народническо-демократическое направления, внёвшие определенную идеологическую струю в исследование рассматриваемой проблематики, а также сформировались основные исследовательские центры в Киевском, Московском и Петербургском университетах.

В-четвёртых, для белорусской историографии данная тематика важна в том отношении, что становление белорусской исторической науки приходится на вторую половину XIX — начало XX века. Она формировалась в лоне российской историографии, и, следовательно, изучение опыта развития последней чрезвычайно важно для понимания процессов, протекавших в белорусской исторической науке. Поэтому в белорусской историографии рассматриваемого периода ощущается определённая преемственность российских исследовательских традиций в постановке рассматриваемой проблемы. Автор подчёркивает, что в исследовании не разделяет представителей исторической науки Российской империи до 1917 года по национальному аспекту, дифференцируя их по принадлежности к историческим направлениям и школам.

Следует отметить, что в статье автор вынес за рамки предмета исследования период российской историографии конца XVIII — первой половины XIX века по той причине, что исследователи данной эпохи изучали

культуру ВКЛ в основном в области археологии, этнографии, фольклористики и краеведения и не сделали обобщающих исторических выводов по рассматриваемой проблематике.

Таким образом, в исследовании рассматриваемой проблемы в российской дореволюционной историографии автор статьи выделяет два основных периода:

1) 50-е — начало 80-х годов XIX века — период оформления первых концептуальных подходов в освещении культуры ВКЛ. В это время исследователи испытывали на себе сильное влияние идеологических установок правительства и философско-исторических идей славянофильства, освещая культуру ВКЛ главным образом с позиций «официально-охранительной версии» исторического видения прошлого края. Тем не менее, в этот период происходил активный сбор источников по культуре шляхты ВКЛ, а также велись исследования в области социально-экономической и идеологической жизни шляхты;

2) середина 80-х годов XIX века — 1917 год. В российской и зарождающейся белорусской историографии под влиянием идей позитивизма (в частности, факторного подхода) наблюдается эволюция концептуальных взглядов, что приводит к изменению исследовательских позиций по вопросам культуры шляхты ВКЛ. Историки акцентируют внимание на социально-экономических проблемах ВКЛ и выделяют культурологическую проблематику (вопросы реформационного движения, литературы и, частично, искусства) в отдельную область научных исследований. В этот период на научную арену выходят представители молодой белорусской национальной интеллигенции, что находит своё отражение в исследовательских позициях и приводит к формированию инновационных выводов по шляхетской проблематике.

Конечно, с точки зрения современной исторической науки далеко не все выводы российской дореволюционной историографии являются равноценными и выдержали проверку временем. В то же время изучение методологических систем и концепций, вы-

двинутых исследователями указанного периода, может способствовать решению ряда дискуссионных проблем по теме культуры шляхты ВКЛ.

Результаты исследования и их обсуждение. Пионерами в разработке проблемы влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты выступили представители исторической школы «западнорусизма». Так, М. О. Коялович выдвигал тезис о бесклассовом характере «западнорусского общества». Происхождение шляхты историк связывал с польским влиянием и утверждал, что шляхетское сословие как социальный институт было абсолютно чужеродным явлением для западнорусской жизни [1, с. 50]. Рост могущества шляхетского сословия и его полонизация, по заключению учёного, привели не только к потере национального развития и подписанию Люблинской унии, но и явились причиной национально-религиозной борьбы [2, с. 253].

В методологическом плане проблему полонизации шляхты М. О. Коялович свёл к национально-конфессиональному противостоянию русской и польской культур. Исследователь обвинял шляхетское сословие в распространении веяний западноевропейской жизни и видел в её лице первопричину всех бедствий в стране: «Страшное порабощение простого русского народа в крепостное состояние, наряду с другими великими бедствиями, было перенесено в Западную Россию поляками вместе с польской теорией шляхетства и католицизмом» [1, с. 61].

Начиная с 60-х годов XIX века, приоритетное место в исследовании рассматриваемой тематики занимает В. Б. Антонович. Киевский историк, изучая историю ВКЛ, проводил идею о противостоянии двух культур: шляхетской (польско-католической) и народной (русско-православной). Развивая теорию о бесклассовости «литовско-русского общества», исследователь связал генезис шляхетского сословия с польским влиянием и обвинил шляхту в распространении западных идей, чуждых русской культуре [3, с. 42].

Идею о рецепции «земского права» польской шляхты проводил Ф. И. Леонтович, по мнению которого, «уравнение» литовско-русского боярства с польской шляхтой преследовало полонизаторскую цель и желание поляков инкорпорировать ВКЛ. Эта задача осуществлялась, по убеждению учёного, путём образования в среде правящего класса княжества особого «стана» католической шляхты — «попешного и ревностного проводника миссионерских и политических тенденций католической Речи Посполитой» [4, с. 26].

Сословную градацию шляхты исследователь объяснял не только социально-экономическим фактором, но и национально-конфессиональной принадлежностью [5, с. 58]. В результате общей шляхетской нивелировки, по убеждению Ф. И. Леонтовича, привилегированный класс утратил национальное русское самосознание. «Сословный эгоизм и полнейшая отрешённость от народной жизни — одна из причин шаткости двухвековой истории Речи Посполитой. Она не смогла свести счёты с взятой ею на себя культурной сословно-шляхетской идеей: претворить её в культуру более широких и плодотворных начал — национальных и общечеловеческих» [5, с. 47].

Во второй половине XIX века в российской историографии появляются специальные работы, посвящённые непосредственно культуре шляхетского сословия. Как считал Н. С. Тумасов, в результате культурного влияния со стороны Польши, обладающей более высоким потенциалом в области образования, культура «русского дворянского сословия» изменялась на польский лад [6, с. 8]. Исследователь отметил проникновение в сферу образования шляхетского сословия передовых западноевропейских идей и представлений, но подчеркнул, что в целом шляхта относилась к образованию довольно пассивно [6, с. 30]. Опираясь на свидетельства современников, историк описывал нравы и обычаи привилегированного класса, их быт, гардероб, питание, занятия и т. п., замечая, что в жизнь шляхетского сословия довольно активно про-

никали элементы западноевропейской культуры, в частности, итальянской [6, с. 32].

По мнению Н. П. Дашкевича, взаимодействие трёх культурных начал (литовского, русского и польского) после 1387 года резко изменило свой характер под воздействием политической и религиозной экспансии Польши и Ватикана. Исследователь попытался определить роль шляхты в культурном противостоянии цивилизаций. По мнению историка, «масса народа» почти не участвовала в этой борьбе, так как народ первоначально не ощущал жёсткого национально-религиозного угнетения. «Не удивительно поэтому, что в оппозиции литовско-польским государям до Люблинской унии передовое место принадлежало не низшим, а высшим классам народа. Во главе национального русского движения стояла руководившая партия литовско-русских князей и магнатов. На них, прежде всего, падает ответственность за печальную судьбу западнорусской народности...» [7, с. 316].

Таким образом, в российской историографии 50 — начала 80-х годов XIX века политизированная и клерикально-тенденциозная трактовка шляхетской проблематики свела всю сложность вопроса к национально-религиозному аспекту. В трудах российских историков данного периода духовная жизнь народов ВКЛ рассматривалась в русле развития общерусской православной культуры, поэтому работы, посвящённые культуре шляхетского сословия, преследовали определённую цель — обосновать «русское начало» высшего класса общества. Российская историография, опираясь на теорию внешнего заимствования, стремилась доказать, что проникновение западноевропейских идей и представлений в духовную жизнь «православного литовско-русского дворянства» имело искусственный характер посредством влияния Польши и негативно сказалось на социально-культурном развитии ВКЛ.

В российской исторической науке шляхетская проблематика активно поднималась в контексте философско-исторических дискуссий по поводу цивилизационного

выбора пути развития России. Эта проблема была самым тесным образом связана с польским вопросом в России. В славянофильской концепции место ВКЛ определялось как часть общерусского православного мира, к которому княжество должно вернуться. Основными препятствиями здесь являлись, согласно российской историографии славянофильской направленности, католичество, польское влияние во всех сферах жизни, а также ополяченная шляхта.

Учёный Н. И. Костомаров отметил, что в результате проникновения в «русское высшее общество» польских нравов и воззрений «польско-литовская Русь» приняла особую «физиономию», отличающую её от северо-восточной Руси. Основную причину полонизации шляхетского сословия историк усматривал не только в «умственном преобладании Польши, где наступила эпоха духовного Возрождения», но и в социально-экономических выгодах польской шляхты, что очень сильно привлекало «русское шляхетство к подчинению польскому цивилизационному влиянию» [8, с. 541].

В свою очередь Д. И. Иловайский утверждал, что определённую роль в подчинении польской культуре имели идеи «мирового движения Возрождения и Реформации». Он писал: «Западная Русь, при всей отсталости в образовании и своей гражданской культуры, должна была во многом подчиниться влиянию расцвета польской образованности и наружного лоска западноевропейской цивилизации, отражавшейся на польских нравах и обычаях» [9, с. 600]. Русский историк указал на обратное русское влияние на польскую культуру. «В высших слоях Западной Руси в результате смешения обеих народностей начал вырабатываться новый тип: польско-русский. Русь полячилась, а Польша русела, — констатировал историк, — из ополячивающихся русских фамилий вышли многие общественные деятели Польши» [9, с. 601].

Сторонники западного пути развития России на всём протяжении исследуемого периода не были едины в оценке западноевропейского влияния, часто допускали

в своих концептуальных построениях элементы славянофильских теорий: идеализации роли православной церкви, особой исторической миссии русского народа. С. М. Соловьёв утверждал, что славянские народы Речи Посполитой, преждевременно, не окрепнув, вошли в столкновение с западным миром, утратили самостоятельность, а некоторые — и народность [10, с. 3]. По утверждению И. П. Филевича, западный выбор Польши способствовал изменению славянского организма под немецким влиянием, что привело к перерождению церкви, слабости городов и шляхетской анархии [11, с. 21]. Исследователь А. Л. Погодин видел историческую миссию Польши как государства, ставшего посредником в передаче западных цивилизационных ценностей [12, с. 22].

Принципиально новый подход к культуре шляхетского сословия в ВКЛ был осуществлён в российской позитивистской историографии. В основе позитивистской философии истории XIX века лежала теория исторического прогресса, в рамках которой большинство историков отстаивали идею сближения России и Европы, не отрицая при этом особенности исторического развития России. Учёный В. О. Ключевский подверг переоценке традиционные представления российской исторической науки о противоположных путях развития русской и европейской цивилизации. Культурное развитие шляхты ВКЛ, по мнению историка, было обусловлено не только духовными заимствованиями, но также и социально-экономическим развитием местной шляхты [13, с. 88].

Несмотря на сильное польское влияние, утверждал М. К. Любавский, шляхта ВКЛ сохранила свои русские черты, однако ополячилась [14, с. 16]. «Белорусское племя, — писал историк, — не имело своей государственности, и поэтому его история есть преимущественно история отдельной разновидности национальной русской культуры... Шляхетское сословие, отделившись от народа, теперь стало польским по языку, вере, по всему устройству быта, чувств и мыслей» [14, с. 7].

Представителей историко-правовой школы М. К. Любавский критиковал за односторонность позиции, согласно которой обособление шляхетского сословия происходило по внешнеполитической причине. По убеждению учёного, консолидация шляхты была связана, в первую очередь, не с военной необходимостью, а с экономическими мероприятиями, направленными на преобразование государственного хозяйства и нашедшими своё полное выражение в Уставе 1557 года и активной сеймовой борьбе [15, с. 448].

Таким образом, М. К. Любавский, используя в исследовании шляхетской проблематики социально-экономический подход, опровергал главные теоретические положения историко-правовой школы о решающей роли немецко-польского права и культурного западноевропейского (польского) влияния в процессе формирования и развития шляхетского сословия ВКЛ и выдвигал тезис о генезисе шляхетского сословия как закономерном и внутренне обусловленном процессе.

Оспаривая приоритетную роль «польского влияния», М. В. Довнар-Запольский выстраивал свою позицию на идее внутренней эволюции шляхты ВКЛ. Исследователь придерживался мнения, что в результате аграрных мероприятий правительства и введения магдебургского права произошла резкая дифференциация общества по сословному признаку, вызвавшая социальную конфронтацию. Однако киевский учёный не связывал данный процесс с искусственным насаждением «польских порядков», а считал это следствием социально-экономических преобразований внутри страны [16, с. 306].

Исследователь М. С. Грушевский подчеркнул, что пик возвышения шляхетского сословия пришёлся на период проведения экономических реформ в стране и был непосредственно связан с ними [17, с. 150]. Историк, придавая большое значение влиянию польской культуры, отметил, что она находилась в периоде своего расцвета, переживала «золотой век» литературы, граж-

данской жизни, парламентаризма и поэтому очень быстро подчинила литовскую шляхту своему влиянию. По заключению исследователя, развитие литературы во второй половине XVI века состояло в тесной связи с общественным движением шляхты, взявшей на себя в это время главную роль в деле распространения западноевропейской культуры [17, с. 347].

Характеризуя источники интеллектуального и общественно-политического развития шляхты, И. И. Лаппо отметил значительное влияние идей и представлений эпохи Возрождения на формирование мировоззренческой позиции шляхты [18, с. 499]. Исследователь обратил внимание на положительные стороны католической школы и иезуитского образования в ВКЛ, проявляющиеся в распространении передовых западноевропейских идей в сфере образования и просвещения. Историк определил место ВКЛ как посредника в деле трансформации культуры между Западной и Восточной Европой: «Это было тем легче, что западная культура усваивалась самой Литвой на почве русской старины» [18, с. V].

Придерживался взгляда, что Речь Посполитая, как результат западного влияния, сделалась могущественной и образованной славянской державой, Н. И. Кареев [19, с. 181]. Торговые и культурные отношения между ВКЛ и Западной Европой, влияние гуманистического образования и просвещения, наплыв иностранцев, отмечал исследователь, распространяли в шляхетском обществе итальянские идеи и представления, придавая гуманистический характер польской образованности. «В политических и юридических идеях, взятых из античной и ренессансной литературы, — писал историк, — шляхта находила много ей приятного, фразы о пагубности тирании, о свободе и равенстве граждан, стремлении к “вольности” и ненависти к “можновладству”, а учение римских юристов о рабстве санкционировало в её глазах гнёт, наложенный ею на хлопков» [19, с. 49].

Заключение. Отношение российской историографии периода 80-х годов XIX века — 1917 года к культурному западноевропейскому влиянию на ВКЛ, распространителем которого, по мнению историков, в первую очередь, являлось шляхетское сословие, отличалось расхождением положительных и отрицательных оценок. С одной стороны, исследователи признавали факт положительного влияния гуманистических идей и представлений на культурное развитие ВКЛ, с другой же — рассматривали культуру шляхты ВКЛ как неотъемлемую часть русской православной культуры и к проблеме её ориентации на западноевропейский путь развития относились с весьма противоречивыми оценками. Главной заслугой российской дореволюционной позитивистской историографии в исследовании шляхетской проблематики является отрицание концепции о приоритетной роли польского влияния в эволюции шляхетского общества и выдвигание на первый план в этом процессе социально-экономического фактора.

Список цитируемых источников

1. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. — СПб. : [б. и.], 1884. — 349 с.
2. Коялович, М. О. История русского самосознания / М. О. Коялович. — Минск : [б. и.], 1997. — 688 с.
3. Антонович, В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России : в 3 т. / В. Б. Антонович. — Киев : [б. и.], 1885. — Т. 1. — 351 с.
4. Леонтович, Ф. И. К истории административного строя литовского государства / Ф. И. Леонтович. — Варшава : [б. и.], 1899. — 104 с.
5. Леонтович, Ф. И. Правоспособность Литовско-русской шляхты / Ф. И. Леонтович // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1908. — № 3. — С. 53—87.
6. Тумасов, Н. С. Дворянства Западной России в XVI в. / Н. С. Тумасов. — М. : [б. и.], 1869. — 107 с.
7. Дашкевич, Н. П. Борьба культур и народностей в Литовско-русском государстве / Н. П. Дашкевич // Киевск. унив. изв. — 1884. — № 10. — С. 269—316.
8. Костомаров, Н. И. Исторические монографии и исследования : в 20 т. / Н. И. Костомаров. — СПб. : [б. и.], 1881. — Т. 13. — 429 с.
9. Иловайский, Д. И. Царская Русь / Д. И. Иловайский. — М. : [б. и.], 2004. — 749 с.
10. Соловьёв, С. М. История падения Польши / С. М. Соловьёв. — М. : [б. и.], 1863. — 280 с.
11. Филевич, И. П. Россия и польский вопрос / И. П. Филевич. — М. : [б. и.], 1894. — 320 с.
12. Погодин, А. Л. Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : [б. и.], 1909. — 375 с.
13. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : [б. и.], 1988. — Т. 2. — 414 с.
14. Любавский, М. К. Исторические судьбы шляхты / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1915. — 313 с.
15. Любавский, М. К. Литовско-Русский сейм / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1900. — 850 с.
16. Довнар-Запольский, М. В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : [б. и.], 1905. — 307 с.
17. Грушевский, М. С. История Украины-Руси : в 10 т. / М. С. Грушевский. — Киев : [б. и.], 1903—1936. — Т. 5. — 687 с.
18. Лаппо, И. И. Великое княжение Литовское во второй половине XVI столетия / И. И. Лаппо. — Юрьев : [б. и.], 1911. — 624 с.
19. Кареев, Н. И. Очерки истории реформационного движения и католическая реакция в Польше / Н. И. Кареев. — М. : [б. и.], 1886. — 191 с.

Материал поступил в редакцию 28.01.2013 г.

This article describes the views of the representatives of the Russian pre-revolutionary historiography on the spiritual development of gentry under the influence of Western-European culture. The author concludes that the politicised interpretation of the cultural issues, peculiar for the Russian historiography of the 1850s-early 1880s, limited the scope of analysis to the national and religious aspects. The Russian historiography of that period aimed at proving that spreading of Western-European ideas in the gentry's spiritual life was not a natural process, since it occurred because of the Polish influence, and it had a negative impact on the social and cultural development of the Great Duchy of Lithuania. The principal merit of the Russian positivist historiography of the 1880s-early XX century, is the denial of the leading role of Western-European (Polish) influence on the evolution of gentry's society and the prioritising in that process of the internal social and economic factors.